

Болотин Григорий Вячеславович, магистрант,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения»

Игнатьева Наталья Юрьевна, к.ю.н., доцент,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем института недействительности сделок в современном гражданском праве РФ. Проведен анализ источников права и выявлены следующие проблемы: размытие границ между частноправовым и публично-правовым регулированием, коллизия норм о реституции и виндикации, а также процессуальные проблемы разграничения юрисдикции и правовой статус разъяснений высших судебных органов. Представлены возможные пути совершения законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: Недействительность сделок, ничтожность, оспоримость, реституция, виндикация, судебная практика.

Институт недействительности сделок в гражданском праве – ключевой «винтик» в механизме защиты правопорядка и баланса интересов в процессе гражданского оборота, в том числе защиты прав добросовестных участников и пресечение противоправного поведения. В пользу данного утверждения С.С. Алексеев писал, что социальная ценность права заключается в обеспечении определенности и защите интересов [1, с. 5]. Но тем не менее, реалии правоприменительной практики последних лет говорят о том, что система работает несовершенно, и что в реализации норм о ней действительности сделок есть серьезные проблемы, решение которых еще только предстоит найти. Законодательство претерпевает новые и новые изменения с довольно быстрыми темпами, множественные источники регулирования создают коллизии норм, а также граница между частным (свобода договора) и публичным (императивные запреты) правом размыта. Совокупность данных фактов создает правовую неопределенность для участников предпринимательской деятельности. Особую остроту приобретает проблема соотношения реституции и виндикации при защите прав собственника и добросовестного приобретателя в ситуациях, когда имущество было отчуждено по цепочке недействительных сделок [3; 6; 8].

Целью настоящей статьи является выявление пробелов в регулировании вопросов недействительности сделок на основании анализа современных проблем классификации недействительных сделок и применения правовых последствий для разработки возможных путей совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системно-структурный), а также частно-научные методы: формально-юридический (анализ норм ГК РФ), сравнительно-правовой и метод анализа судебной практики.

Классификация недействительности сделок претерпела существенные изменения в связи с реформой гражданского законодательства 2013 года, а именно - появление презумпции оспоримости сделок. В соответствии с пунктом 1 статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки [7]. Ничтожными такие сделки признаются лишь в случаях, когда они посягают на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц [9]. На основании данного утверждения недействительность сделки – это скорее исключение, чем правило, которое должно применяться только при наличии веских оснований. Подобный подход направлен на обеспечение стабильности гражданского оборота и «устойчивости» сделок [9].

Изменения в законодательстве привели к новым сложностям в квалификации конкретных сделок в реальной практике. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 25 от 23 июня 2015 года дал разъяснения по применению соответствующих положений ГК РФ [2; 9]. Согласно пункту 74 указанного постановления, ничтожной является сделка, которая нарушает требования закона и при этом посягает на публичные интересы либо охраняемые законом интересы третьих лиц [9].

Однако формулировка «публичные интересы» вызывает вопросы, так как раскрыта крайне некорректно: это интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, обороны и безопасности государства, охраны окружающей среды. Также разъясняется, что при нарушении явно выраженного запрета, установленного законом, презюмируется нарушение публичных интересов, и доказывать такое нарушение отдельно не требуется. Например, ничтожны сделки о залоге или уступке требований, неразрывно связанных с личностью кредитора (п. 1 ст. 336, ст. 383 ГК РФ), сделки о страховании противоправных интересов (ст. 928 ГК РФ) [9].

Ярким примером служат сделки, совершаемые в предпринимательской деятельности с нарушением публично-правовых требований, например, при отсутствии необходимой лицензии. В таких случаях суды на равно основании могут квалифицировать сделку как оспоримую (по общему правилу ст. 168 ГК РФ) или как ничтожную (так как имеет место посягательство на публичные интересы). Анализ судебной практики показывает, что единообразного подхода до сих пор не выработано.

Наиболее острая проблема в сфере применения последствий недействительности сделок связана с соотношением реституции (ст. 167 ГК РФ) и виндикации (ст. 301-302 ГК РФ). Реституция представляет собой последствие недействительности сделки, выражающееся в возврате каждой из сторон всего полученного по сделке, а в случае невозможности возврата в натуре – в возмещении стоимости [1; 7]. Виндикация же является вещно-правовым способом защиты и заключается в истребовании собственником имущества из чужого незаконного владения [8].

В науке гражданского права длительное время ведется дискуссия о соотношении указанных способов защиты. Профессор К.И. Скловский подчеркивает, что реституцию нельзя смешивать с виндикацией: при реституции имущество возвращается сторонам недействительной сделки только в силу факта его передачи, а не потому, что стороны имеют на него какое-либо право [8]. Реституция обладает взаимным характером и некоторыми чертами обязательства, а также посессорным характером – возврат осуществляется независимо от законности и добросовестности владения [8].

До принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 года № 6-П практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции по вопросу соотношения реституции и виндикации была диаметрально противоположной [3]. Арбитражные суды руководствовались пунктом 25 постановления Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 № 8, согласно которому если по возмездному договору имущество приобретено у лица, не имевшего права его отчуждать, и покупатель отвечает требованиям добросовестного приобретателя, то в удовлетворении исковых требований о возврате имущества должно быть отказано [3; 6].

Суды общей юрисдикции, напротив, при разрешении споров о признании недействительными договоров приватизации жилых помещений и последующих сделок с ними, применяли реституцию вне зависимости от добросовестности приобретателя, признавая ничтожными целые цепочки сделок [3]. Такая ситуация, безусловно, вносила еще большую смуту в гражданский оборот.

Конституционный Суд РФ в постановлении № 6-П разрешил коллизию в пользу обеспечения стабильности оборота и защиты прав добросовестных приобретателей, установив следующее: «Поскольку добросовестное приобретение в смысле статьи 302 ГК Российской Федерации возможно только тогда, когда имущество приобретается не непосредственно у собственника, а у лица, которое не имело права отчуждать это имущество, последствием сделки, совершенной с таким нарушением, является не двусторонняя реституция, а возврат имущества из незаконного владения (виндикация)» [3; 6].

Конституционный Суд внес некоторую ясность, однако проблемы в правоприменении остаются и по сей день. Д.В. Лоренц отмечает, что после выхода постановления № 6-П ограничения в истребовании имущества от добросовестного приобретателя стали необоснованно распространяться на применение последствий недействительности первоначальной сделки [6]. Кроме того, в практике появились иски о признании лица добросовестным приобретателем в качестве самостоятельного способа защиты, что не соответствует природе гражданско-правового регулирования [3].

Представляется правильным подход, согласно которому собственник, не являющийся стороной сделки, не может требовать применения реституции, поскольку заинтересован не в реституции между участниками сделки, а в возврате принадлежащего ему имущества [6]. Право на реституцию должно сохраняться за сторонами сделки, а собственник должен защищать свои права посредством виндикационного иска.

Показательным является недавнее дело, дошедшее до Верховного Суда РФ (№ А32-29459/2012), связанное с выводом активов перед банкротством [10]. Конкурсный управляющий оспаривала сделку по продаже имущества должника дочери генерального директора, которая затем перепродала объекты третьему лицу. Возник вопрос о возможности одновременного применения реституции (к первоначальной сделке) и виндикации (к последнему приобретателю). Суды нижестоящих инстанций разошлись во мнениях относительно добросовестности конечного приобретателя [10].

Еще одной процессуальной проблемой встает разграничение компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами при рассмотрении споров о недействительности сделок. Особую сложность вызывают ситуации, когда в деле участвуют граждане, не имеющие статуса индивидуального предпринимателя, но сделка связана с предпринимательской деятельностью, либо когда спор вытекает из смешанных правоотношений.

Судебная практика по признанию договоров недействительными обширна и разнообразна [4]. Например, споры о недействительности договоров купли-продажи недвижимости с участием граждан рассматриваются судами общей юрисдикции, тогда как споры между хозяйствующими субъектами – арбитражными судами. Однако критерии разграничения не всегда очевидны, что создает риски судебных ошибок и затягивания процессов.

Особого внимания заслуживает вопрос о правовом статусе постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Формально они не являются источниками права, однако фактически играют ключевую роль в обеспечении единообразия судебной практики. Постановление Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015 содержит важнейшие разъяснения по применению норм о сделках и их недействительности [2].

В частности, Пленум разъяснил, что ничтожной является сделка, нарушающая требования закона и при этом посягающая на публичные интересы либо права третьих лиц [9]. Разъяснено также, что само по себе несоответствие сделки законодательству или нарушение ею прав публично-правового образования не свидетельствует о нарушении публичных интересов [9].

Кроме того, Пленум подтвердил допустимость использования в договорах потестативных условий (условий, зависящих от поведения стороны сделки), что важно для предпринимательской практики [9]. Например, допустимо заключение договора поставки под отлагательным условием о предоставлении банковской гарантии, обеспечивающей исполнение обязательств покупателя [9].

Представляется, что, несмотря на формальное отсутствие у постановлений Пленума силы закона, они фактически выполняют функцию нормативного регулирования, и суды нижестоящих инстанций обязаны учитывать содержащиеся в них разъяснения.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, институт недействительности сделок в современном российском праве берет вектора в сторону обеспечения стабильности гражданского оборота и защиты добросовестных участников. Презумпция оспоримости сделок, нарушающих требования закона – большой шаг в данном направлении, однако формулировка «публичные интересы» как критерий ничтожности требует дальнейшего уточнения как в судебной практике в законодательстве.

Во-вторых, соотношение реституции и виндикации при защите прав собственника в ситуациях, когда имущество было отчуждено по цепочке недействительных сделок - все еще остается большим камнем преткновения. Правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в постановлении № 6-П, нуждается в последовательной реализации судами всех уровней.

В-третьих, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ обеспечивают единообразие судебной практики и восполняют пробелы законодательного регулирования, тем самым выполняя важную роль в правоприменении, однако, не являются источником права

На основе проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие предложения:

Законодателю: Внести изменения в Гражданский кодекс РФ, прямо предусматривающие приоритет виндикации (ст. 302) над реституцией (ст. 167) в случаях, когда имущество выбыло из владения собственника помимо его воли и впоследствии неоднократно отчуждалось. Это позволит защитить права добросовестного приобретателя и обеспечить стабильность гражданского оборота.

Правоприменителю: Рекомендовать судам при разграничении ничтожных и оспоримых сделок исходить из презумпции оспоримости, установленной реформой 2013 года, и не расширять круг ничтожных сделок без прямого указания в законе. При разрешении споров, связанных с защитой прав собственника и добросовестного приобретателя, последовательно руководствоваться правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении № 6-П.

Науке: Продолжить исследование критериев «публичного интереса» в частных сделках для более четкого разграничения сфер частноправового и публично-правового регулирования, а также для выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства о недействительности сделок.

Список литературы:

1. Алексеев, С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1971. – 223 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Арбитражный суд Республики Бурятия. – Режим доступа: <https://buryatia.arbitr.ru/node/13835> (дата обращения: 17.03.2026).
3. Блинова, М. А. О соотношении реституции и виндикации в гражданском праве / М. А. Блинова // Судебный вестник Чувашии. – 2005. – № 3. – Доступ из СПС «ГАРАНТ».
4. Признание договора недействительным – судебная практика [Электронный ресурс] // СудАкт. – Режим доступа: <https://sudact.ru/practice/priznanie-dogovora-nedejstvitelnyum/>
5. Разъясняет прокуратура Кировского района г. Хабаровска [Электронный ресурс] // Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Хабаровском крае. – Режим доступа: <https://ombudsmanbiz27.ru/index.php/menyu/prokuror-raz-yasnyaet/5483-raz-yasnyaet-prokuratura-kirovskogo-rajona-g-khabarovska-3>
6. Лоренц, Д. В. Проблемы ограничения реституции / Д. В. Лоренц // Современное право. – 2013. – № 8. – С. 72–76.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
8. Бобина, Д. А. Проблема соотношения виндикации и реституции / Д. А. Бобина // International scientific review. – 2019. – № LXIII. – С. 64–66.
9. Сделки и их оспаривание в Постановлении ВС РФ [Электронный ресурс] // Журнал «Акционерное общество». – 2015. – Режим доступа: <https://ao-journal.ru/sdelki-i-ik-osparivanie-v-postanovlenii-vs-rf>
10. Возможны ли виндикация и реституция в одном споре, решит ВС [Электронный ресурс] // ПРАВО.Ru. – 2017. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/view/143918/>.

